

Восстание

Назвали "Расцвет Нарыма"

В период коллективизации территория нынешней Томской области, являвшейся тогда частью Сибирского, а затем Западно-Сибирского края, была предназначена для расселения и трудового перевоспитания «раскулаченных крестьян». Особо привлекательными в этом плане властям представлялись просторы Нарымского края, позднее официально именованного Нарымским округом. Впрочем, в учетных документах писалось просто: «Выслать в Нарым». Ссылали сюда «кулаков» из деревень нынешней Новосибирской и Иркутской областей, Кузбасса, с Алтая, Кубани и Украины. Тысячные колонны с их узлами, ребятишками и стариками в зимнее время сотни километров пешком шли от железнодорожной станции в Томске. Летом из Томска же спускались по рекам караваны битком набитых больших и малых барж.

Этот поток стал непрерывным с зимы 1930 года после того как в январе Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Осень 1931 г была назначена сроком полной победы колхозного строя, для тех же, кто не успеет записаться в колхоз, назначался крайний срок – весна 1932 года. А для того, чтобы « кулачество» не мешало « стихийно растущему снизу колхозному движению», его было решено ликвидировать, как класс. Как это сделать конкретно, подробно разъяснялось еще в январском постановлении ЦК ВКП(б) – «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».

По левобережью Оби раскинулся в Нарымском крае Чаинский район с райцентром в селе Подгорном (в наши дни это два района - Чаинский и Бакчарский). Сюда, в непролазную тайгу и болота, и стали гнать раскулаченных. По прибытии на место они получали статус пецпереселенцев и расселялись на совершенно необжитые места. Сооружали шалаши, землянки (потом в них многим пришлось зимовать) корчевали тайгу под пашню и сенокосы, валили лес, строили бараки и конечно, жилье для работников комендатуры – это в первую очередь. Не хватало пил топоров, лопат, иные семьи не имели в своем быту даже ножей. Возле каждого такого поселка сразу же возникали и быстро разрастались кладбища. В считанные месяцы до половины жителей оказались на них. С годами эти кладбища попадали под новые улицы, огороды и животноводческие фермы.

Вся полнота власти принадлежала комендатурам. В Чаинском районе их было три: Тоинская, Парбигская и Галкинская. Кроме участков, были еще поселковые комендатуры, просто коменданты по деревням и поселкам, вахтеры. Были на таежных тропах заставы для ловли беглецов. Комендатуры расселяли ссыльных, отводили земли, руководили всеми работами, выдавали пропуски на передвижение (даже для того чтобы сходить в припоселковый кедрач или за ягодой, нужен был пропуск). Комендатуры сами арестовывали, сами судили и сами расстреливали. Все население делилось на две категории: местное было правовым, ссыльные именовались неправовым населением, что реально точно определило их фактическое положение вне закона. Есть документальное подтверждение тому, что браки между представителями этих двух сословий некоторыми комендатурами запрещались. Это было уже творческой инициативой самих комендантов.

Обязанностью комендантов была также и организация питания спецпереселенцев. Летом 1931 г на строительстве Бакчара (здесь находилась

Галкинская участковая комендатура) работающим спецпереселенцам выдавали в день 800 граммов некачественного хлеба и один – два раза (но никогда три) мучной болтушки, в которой изредка попадался кусочек конины. Картошки, крупы, овощей или чего-нибудь другого не было совершенно. Этот паек получали лишь выполнившие норму, при невыполнении хлеба давали 400-600 граммов. Для того, чтобы, к примеру плотнику выполнить норму, надо было за световой день окантовать с четырех сторон сорок, иногда пятьдесят метров бревен. Неработающим паек выдавался на месяц: восемь килограмм муки и два килограмма соленой рыбы. Баланды не полагалась. Дневную норму посчитать нетрудно. Есть с чем и сравнить. А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» пишет, что карцерный котел - это 300 граммов хлеба и миска баланды в день. Комментариёв, как говорится не требуется.

Из ссыльных сколачивались колхозы, которые тоже были под «комендатурой», официально они именовались неуставными сельхозартелями. Нужно сказать, что придумывая колхозам названия, комендатуры приложили немало изобретательности и фантазии. Часть колхозов нарекалась именами многочисленных вождей (этим колхозам не повезло больше других: вожди систематически разоблачались, названия раз за разом приходилось менять. С годами разоблачили почти всех, и в наше время используются имена только четырех: Ленина, Свердлова, Кирова, Калинина. Вторая группа названий отражала цвет политического режима – «Красная Заря», «Красный пахарь», «Красный сибиряк», «Красный Бакчар», «Красная Яря», «Рот фронт». Еще одна группа названий должна была, по мнению авторов, зафиксировать приход счастливой жизни: «Победа Нарыма», «Луч Нарыма», «Расцвет Нарыма», «Северный луч», «Заря тайги», «Северное сияние». Оптимистическую устремленность в будущее должны были продемонстрировать «Ленинский путь», «Сталинский путь», «Верный путь», «Путь к коммунизму», «Мы победим» и тому подобное. Не знаю к какой группе отнести название колхоза, которое звучало коротко и просто –«Нарым».

Сейчас немало известно о том, что крестьянство как могло оказывало сопротивление насильственной коллективизации. Чего стоил один массовый забой скота, последствия которого преодолевались десятилетиями. В те годы в сибирских деревнях на пороге новой «счастливой жизни» пели: «Нет коровы на загоне, нет овечек на гумне, утонула в самогоне наша рэсэфэсэрэ» Через короткое время, когда из колхозов под метелку был выметен весь хлеб, запели и другое: «Когда Ленин умирал, Сталину наказывал: хлеба вволю не давай, мяса не показывай». В ответ на частушки комсомол, как по команде, объявил войну гармошкам, назвав их кулацким инструментом, а исполнителей кулацкими подпевалами.

Сопротивление крестьян носило характер стихийный, неорганизованный и было скорее пассивной формой протеста. По крайней мере, об организованных массовых выступлениях до сих пор почти ничего неизвестно. А те выступления, что известны, до последнего времени официальной пропагандой изображались как «кулацкие» или белобандитские, в традиции известной теории усиления классовой борьбы по мере приближения к социализму. С этой теорией вышла странная вещь. Сама она признана ненаучной лет тридцать назад, а факты, на которые она ссылались «теоретики» и сейчас не подвергаются переосмыслению. Старые представления ходят среди тех, кто знает о нем и о восстании ссыльных крестьян летом 1931 года на территории Чаинского района.

Дело № 585 свидетельствует

По факту восстания было возбуждено уголовное дело №585 (номер дела тогдашний, впоследствии он не раз изменялся) «По обвинению гр-на Славникова Федора Радионовича, Битюкова Василия Савельевича и других в количестве сто тридцать пять (135) человек по 58-2 ст. УК . Все материалы расследования заняли два тома следственных документов, в основном это протоколы допросов, написанные на различных листках бумаги, всего около 800 листов, в среднем по пять- шесть на одного обвиняемого. Более одного раза, как правило, никто не допрашивался. Напрасно искать в уголовном деле такие обычные следственные документы, как протоколы очных ставок, постановления о приобщении вещественных доказательств, о признании потерпевшими или хотя бы их список, данные о материальном ущербе. Считанные единицы допрошено свидетелей.

Из материалов дела видно, что все участники восстания – ссыльные крестьяне. Правда, принял в нем участие и комендант Кузнецовского поселка П.М. Раков 1896 г рождения.

Активно помогал восставшим председатель Тигинского сельсовета Коровин, местный житель. Среди восставших были и те, кто в гражданскую войну защищал с оружием в руках революцию, очень многие служили в Красной Армии после гражданской. Некоторые были раскулачены и высланы сразу после демобилизации. Среди обвиняемых – бывшие сельские активисты и даже коммунисты. Так например Фирсов Павел Степанович 1884 года рождения, отец четверых детей, состоял в ВКП(б) с 1920 года по июль 1929 года, исключен за связь с «кулачеством».

Многие из них были совершенно неграмотные, под протоколами допросов вместо подписи - чернильный отпечаток большого пальца. Неожиданно, но в материалах дела даже намек нет на участие в восстании затаившихся белых офицеров, белогвардейских лазутчиков из-за рубежа, на связь с контрреволюционными подпольными центрами и организациями. Видимо для томских чекистов еще не пришло время фабриковать дела «разоблачении» грандиозных заговоров.

Как утверждается в обвинительном заключении, в восстании приняли участие 1.000 спецпереселенцев Парбигской комендатуры. Спустя десять лет после окончания гражданской войны событие это было из ряда вон выходящим. И, казалось бы, следствие должно было тщательно выяснить причины вызвавшие восстание, мотивы участия в нем каждого обвиняемого. Но в протоколах допросов об этом ничего нет, таких вопросов не задавалось. Следователи требовали ответа в основном на один и тот же вопрос: кто из спецпереселенцев участвовал в выступлении? Только один раз, скорее по случайности, в протокол попали слова обвиняемого, что в день начала восстания он похоронил пятилетнюю дочь.

Согласно обвинительному заключению восстанию предшествовала подготовительная работа. Обратимся к тексту документа:

«Экспроприированное и высланное на север в Чаинский район ЗСК кулачество, к. р. и антисоветски настроенное, не мирясь с создавшимся положением, стремясь противопоставить себя Советской власти, повело к.р. работу, направленную на организацию вооруженного восстания». Автор обвинительного заключения причину выступления представляет однозначной, но невольные «проговоры» документа позволяют сделать иные выводы.

«Вдохновителем и руководителем этого дела – говорится далее в обвинительном заключении - явился высланный кулак из г. Ленинска, бывший владелец кирпичных заводов Усков Гергий Егорович, ближайшим помощником его был тоже владелец кирпичных заводов Медведев Андрей Иванович». В материалах больше никаких данных об этих людях нет. И о том, кто они были на

самом деле – заводчики или крестьяне, мы скорее всего, узнать никогда не сможем. Вполне могло быть и такое. Занимаясь крестьянским трудом, имели яму, лопатой копали из нее глину, которую месила ходившая по кругу лошадь. Потом хорошо размешанную глину забирали вручную в формы, сушили и обжигали в примитивных, выкопанных в земле печах. Кирпич, рассказывают, получался отличного качества. Подобная «индустрия» была в каждой деревне. И, когда потребовалось, то каждого, кто занимался каким либо ремеслом – шорным, бондарным, столярным, пимокатным, кожевенным и другим - объявляли владельцами заводов, фабрики или мастерской.

Усков «... вел беседы о тяжелой жизни спецпереселенцев, малой пайке и т.д, а 3 июля устроил полулегальное собрание кулаков Ленинского района, на которое были приглашены представители других районов, как то : Прокопьевского, Тальнинского, Кузнецовского и др., расселенных по соседству с Ленинским, под предлогом обсуждения вопроса посылки в Край с ходатайством о прибавке пайка спецпереселенцев. На этом собрании Усков в своей речи присутствующим говорил, что нас, спецпереселенцев, в скором времени ожидает голодная смерть, так как на главной базе в Бакчаре для снабжения спецпереселенцев продовольствия осталось на несколько дней, а поэтому нужно посылать делегатов в Край, просить прибавки пайка, если же Край нам откажет в ходатайстве, то нам нужно в защиту себя что-то предпринимать». Как видим, причиной восстания стали не «экспроприация и высылка», а угроза голодной смерти. Из дальнейших событий видно, что ждать ее ссыльные не захотели.

Возникает естественный вопрос: известно ли было работникам Парбигской участковой комендатуры, поселковым комендатурам, Чаинскому районному ОГПУ со своими осведомителями о настроениях ссыльных, о собраниях и разговорах на них и можно ли было предотвратить выступление, снять растущее недовольство, улучшив условия жизни? Ведь требовалось совсем немного – не допустить гибели людей от голода. Изучив материалы уголовного дела, я пришел к выводу, что это массовое выступление голодных и бесправных людей было сознательно спровоцировано властями. Об этом говорит ряд убедительных фактов.

О волнениях стало известно с первого же собрания, которое в обвинительном заключении названо «полулегальным». Уж в чем - то, а в понятиях «легальное», «нелегальное» чекисты разбирались хорошо. И названо было так собрание потому, что происходило оно открыто, но состоялось без разрешения властей. Получить его на такое собрание было немыслимо. Через пять дней в тайге состоялось второе собрание, уже нелегальное, на котором присутствовало около 30 человек. На нем и началась подготовка к восстанию. 26 июля обсуждался его план. Было решено 30-го выслать людей во все поселки, 1 августа с утра обезоружить Орловскую комендатуру, сформировать отряд из ссыльных и двинуться на поселок Бакчар. Захватить там главную продовольственную базу и потом идти на райцентр - село Подгорное.

О нелегальных собраниях властям также стало известно. Ушли сообщения в Колпашево и в Томск, за сотни километров подтягивались в Подгорное вооруженные партийные отряды из Кривошеина, Колпашева. Из Томска перебрасывался кавалерийский отряд милиции с пулеметами. О готовящейся расправе стало известно спецпереселенцам, и они решили выступить 29 июля, раньше чем намечалось.

Из обвинительного заключения: «29 июля, около 100 человек, часть вооруженных, под руководством Ускова группа двинулась на пос. Орловку для ареста и разоружения комендатуры. Получили отпор, потеряв трех кулаков убитыми, со стороны комендатуры убит один вахтер. Так прошел первый из четырех дней кровавой трагедии. Как указывается в документе восстание

проходило под лозунгом - «Долой коммунизм, да здравствует вольная торговля, свободный труд и право на землю. Соввласти быть не должно, а должно быть учредительное собрание и выбор президента». Один из участников тех далеких событий утверждает, что в селе Бундюр висел лозунг: «Долой коммунистов, да здравствует Советская власть!»

Как бы там ни было на самом деле, начавшись как голодный бунт, восстание обрело и политическую окраску, в его лозунгах выразилось отношение повстанцев к человеконенавистнической большевистской политике тех лет.

30 июля повстанцы повели наступление на село Бакчар. Потеряв трех человек убитыми, в том числе одного из командиров - Колмагорова Николая, отошли в поселок Истоминский, откуда выступили на село Высокий Яр. Неподалеку от Высокого Яра разведка восставших столкнулась с разведкой отряда активистов и, потеряв одного раненым, отступила в село Крыловку.

Из числа активистов был убит председатель Высокоярского сельсовета, член партии Паздрин.

Обвинительное заключение утверждает, что 30 июля восстанием было охвачено все «кулачество» Парбигской комендатуры. На самом деле в нем приняли участие ссыльные из населенных пунктов, расположенных между селами Высокий Яр – Крыловка - Бундюр : Веселый, Комарово, Красноярка, Озерный, Истоминский, Болотовка – и других (большинства из этих поселков сейчас нет). Территория охваченная восстанием, была увеличена следователями видимо, затем, чтобы по крупнее казались заслуги по его подавлению.

31 июля в Крыловке повстанцы разбились по взводам и , как утверждает в документе, численностью до 1.000 человек заняли Высокий Яр. Разгромив потребительскую лавку, выступили на Бакчар. Через два километра их встретил отряд сельактива. Потеряв убитыми около 20 человек, повстанцы отступили в Крыловку.

К этому времени к району восстания уже подошел сводный отряд карателей под общим руководством начальника Томского оперативного сектора ОГПУ Плахова. Утром 1 августа он занял Бундюр, освободив 8 арестованных работников комендатуры.

Следует отметить, что восставшим ставились в вину расстрелы работников комендатуры, однако ни одного конкретного факта в обвинительном заключении не приводится. А вот факт, что работники комендатуры в Бундюре хотя и были арестованы, но жизни не лишены, налицо. Этим же августовским утром отряд Плахова выступил на Крыловку, где находились главные силы повстанцев.

Из обвинительного заключения: «Утром 1 августа в пос. Крыловка, в момент устроенного Усковым совещания штаба, был нанесен решительный удар по повстанцам». В результате этой бойни, решительно устроенной безоружным в своей массе мужикам, погибли Усков и еще около 50 человек. Рассказывают, что их прижали к реке, на берегу которой стоит Крыловка и просто расстреляли.

На этом восстание закончилось, но расправа над его участниками продолжалась. Из описания в обвинительном заключении боев можно легко подсчитать, что восставшие потеряли убитыми около 80 человек и один был ранен. Следствие подвело следующий итог: « За всю операцию с 29 июля по 2 августа со стороны банды убито более 100 человек, изъято около 10 винтовок, 100 единиц разного охоторужия. Отбит обоз – 300 подвод. Со стороны партотрядов убито 4 и ранено 3 человека. Изъято 135 участников восстания». Как же так могло случиться, что один и тот же документ дает две разные цифры о потерях повстанцев? Хотя следователи, видимо, университетов не кончали, в арифметике, нет сомнения, они были тверды. Все дело в том, что уголовное дело начато было 18 августа, а до этого «следствие и суд» вершились на месте – в

полном соответствии с классовым чутьем и революционным правосознанием по поселкам прошли расстрелы. Следствие не только не стало устанавливать фамилии и имена убитых, но и не сосчитало их. Сколько это было « более 100»? Может ,120,может, 160. Не подсчитывались и раненые.

Кровавая расправа над отчаявшимися людьми была совершена прежде всего для устрашения ссыльных всего Нарыма, им было показано, что церемониться с ними не будут. Одновременно ОГПУ решило и другую задачу - продемонстрировало возрастающее сопротивление классового врага и исключительную важность и нужность своей организации.

В материалах дела имеется два постановления о взятии под стражу участников восстания - первое от 19 августа на 60 человек, второе от 28 августа еще на 84. Всего таким образом, было арестовано 144 человека, тогда как в итоговом документе следствия указано 135, столько же на обложке дела. Может быть разобрались и выпустили 9 человек? Нет, этого, к сожалению не произошло. В третьем томе дела, который является приложением к следственным материалам, подшиты медицинские справки – несколько строчек на маленьких клочках тетрадных листов. Из них следует, что часть подследственных умерла в Томской тюрьме от поноса, сыпного тифа и воспаления легких. Если это так, то нетрудно представить, в каких условия они содержались. Но еще арестованные могли умереть и от побоев, ведь в каждой справке почему-то написано: « Вскрытие не производилось в связи с отсутствием необходимости».

Всем подследственным было предъявлено одинаковое обвинение «... в преступлении, предусмотренном ст. 58-2, выразившемся в том, что они принимали активное участие с оружием в руках в кулацко-бандитском вооруженном восстании против Советской власти в Чаинском районе. Обвинительное заключение по уголовному делу было составлено 29 сентября 1931 года. 27 октября материалы дела рассмотрела в Новосибирске особая тройка полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю. Приговорены к 10 годам исправительно- трудовых лагерей 9 человек, к 5 - 40 человек, к 3 - 5 человек, остальные - к 5 годам лишения свободы условно со ссылкой на Север. Приговоренных к ИТЛ отправили в Мариинский концлагерь Сиблага. Куда были отправлены спецпереселенцы, приговоренные к ссылке, неизвестно, но то, что не в Чаинский район, это точно. В одной из сопроводительных на этапирование упоминается Белбалтканал.

Долго после восстания по поселкам ссыльных выли бабы по убитым и расстрелянным, арестованным. Многие так никогда больше и увидели осужденных родных и близких, до сих пор ничего не знают об их судьбе.

Неизвестны фамилии погибших, нет возможности назвать арестованных - этот список занял бы много места. Но назвать людей, проводивших расследование, считаю необходимым.

Постановление о взятии под стражу вынес уполномоченный Томского оперсектора ОГПУ Ушаков, им же предъявлено обвинение и составлено обвинительное заключение, согласие дал оперуполномоченный особого отдела ОГПУ Романов. Арестованных допрашивали оперуполномоченные Томского сектора ОГПУ Ковалев, Пестерников, Якимчук, уполномоченные ОГПУ по Чаинскому району Гладких, Белоусов, сотрудники следственно-оперативной группы Косаченко, Балашов. Можно только предполагать, как сложилась их судьба в дальнейшем. Возможно, во второй половине тридцатых попали в ту глубокую яму, которую усердно копали другим, может погибли на войне, а может, дожив до глубокой старости, умерли своей смертью.

Будет улица Крестьянская?

В Бакчаре, в самом центре села, находится красивый, по современному обустроенный силами жителей стадион имени Хомутского. Названа этим именем и одна из центральных улиц. Вот уже без малого шестьдесят лет официальная версия утверждает, что землемер Галкинской участковой комендатуры, член ВКП(б) П. Хомутский в июле 1931 г был тяжело ранен во время подавления «кулацкого» мятежа и вскоре умер. Как и подобало в таких случаях, его с митингом и винтовочными залпами похоронили на площади, напротив участковой комендатуры. Над гробом соратники поклялись, несмотря на происки кулачья, продолжить строительство новой жизни.

И все эти годы тайком живет другая, неофициальная версия, хранимая пережившими лихолетья, стариками. Во время восстания, в одну из ночей, Хомутский был в патруле и его с перепугу из засады обстреляли свои же. Хомутский был ранен, а напарник убит. Но, поскольку напарник был из ссыльных, его не удостоили чести быть похороненным на площади. Кстати, в материалах уголовного дела о ранении Хомутского и гибели второго совершенно ничего не говорится.

Со временем на площади построили стадион и могила с обелиском стала мешать. Тогда обелиск сняли и перенесли здесь же, на стадионе, на другое место, а могильный холмик аккуратно разровняли, место притоптали. Потом обелиск снова стал мешать и его перенесли через улицу, поставили в палисадник школы-интерната. Там он и сейчас стоит – кособокий, с пустой рамкой для фотографии, зимой занесенный снегом, летом в бурьяне. Да и зачем уход, ведь останков под ним нет. Коренные бакчарцы об истории с могилой говорить не любят, на вопрос, где же могила,жимают плечами и равнодушно отвечают: «Где-то здесь, может под трибунами, может под беговой дорожкой...». Станным казалось мне такое отношение к могиле героя районного масштаба, со временем понял, что вся эта история выразила истинное отношение людей к тому неправомерному делу, которому он служил.

В Высоком Яре никто не знает о бывшем председателе сельсовета Паздрине. Есть в Бакчаре улицы Пролетарская, Рабочая. Как и в большинстве северных райцентров, есть и имени Дзержинского – верный признак того, что раньше на ней находились комендатура или НКВД. Чего нет, так это улицы Крестьянской, впрочем, никогда не слышал о Крестьянских улицах, проспектах, площадях, бульварах в иных местах.

4 июля 1989 г постановлением президиума Томского областного суда был удовлетворен протест прокурора области об отмене постановления Особой тройки ОГПУ в отношении 65 участников восстания по реабилитирующим основаниям. Ранее в 1968 году, было реабилитировано четыре человека. Таким образом еще половина репрессированных продолжает оставаться кулацкими бандитами, поднявшими руку на Советскую власть и социализм.

Идеологические стереотипы сталинизма, забрызганные кровью бесчисленных жертв и грязью лжи, будут еще долго мешать обновлению общества и партии, колючей проволокой цепляется за перестройку мертвая теория об усилении классовой борьбы.

Я считаю, что восстание ссыльных крестьян занимает достойное место в ряду уже известных фактов сопротивления народа сталинщине, думаю, что будет написана и история этого сопротивления. И хотя нет полной юридической реабилитации его участников, сейчас все - таки важнее реабилитация общественная. Началом ее может послужить эта публикация, а завершением – открытие памятного знака

погибшим и репрессированным в селе Крыловка Бакчарского района к 60-й годовщине восстания.

Пора подумать и о памятнике в Томске, через который прогнали в ссылку многие десятки тысяч крестьян разных национальностей. Видится он мне скульптурой человека, стоящего на коленях - символом сломленного и уничтоженного крестьянства.

А пока в Бакчаре с ворот стадиона смотрят на прохожих металлические буквы - «имени Хомутского».

А. Малков, прокурор района

*«Красное знамя» г. Томска от 31 марта – 1 апреля 1990 г. (№75-76);
перепечатана также в газете «Ленинское знамя» Бакчарского района от 12
апреля 1990 г.*